

Михаил Манахов
Арест карбонария

Поэма в одиннадцати частях с прологом, эпилогом
и послесловием

Михаил Манахов
Арест карбонария. Поэма в
одиннадцати частях с прологом,
эпилогом и послесловием

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42223851
ISBN 9785449656759

Аннотация

1814 год. В Париж триумфально входит русская гвардия. Франция капитулировала. А главный триумфатор, русский император Александр Первый, тайком наносит визит Чёрной Марии, известной прорицательнице, чтобы узнать свою судьбу. Охваченный мистическими видениями, император надеется, что одержанная им и его войсками победа, избавившая мир от неистового корсиканца принесёт ему прощения собственных грехов. Услышанное ставит царя перед нелёгким выбором, который ему придётся искать всю оставшуюся жизнь...

Содержание

Пролог	6
Глава Первая. Вестник смерти	11
Донос	12
Опасная забава	15
Глава Вторая. Александр I	18
На вулкане	20
В Смятении	23
Глава Третья. Предсказание	26
Париж	27
Пророчество гадалки	29
Сомнения	31
Глава Четвёртая. Тень Императора	33
Одиночество	34
Перелом	36
Разочарование	41
Призрак	43
Глава Пятая. Заговор	48
Роковые знамения	49
Прозрение	55
Гвардейская Фронда	60
Шервуд	65
Глава Шестая. Последняя Ставка Царя	68
Болезнь Луизы	69

Аракчеев	72
В Таганрог	74
Озарение	75
Витт	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Арест карбонария
Поэма в одиннадцати
частях с прологом,
эпилогом и послесловием**

Михаил Манахов

© Михаил Манахов, 2019

ISBN 978-5-4496-5675-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается моему отцу
Николаю Фёдоровичу Манахову.*

*Почто, мой друг, почто
Слеза из глаз катИтся?
А.Н.Радищев*

Пролог

Гермес лукавый

По дороге бесконечной
Тройка бойкая спешит,
В ней ямщик седой неспешно
Песнь унылую бурчит.
Горизонт вовсю развёрстан.
Край пустынный, без людей.
И несутся вёрсты, вёрсты
Под копыта лошадей.
На полях покров невинный,
И куда ни кинуть взгляд,
Всюду снежные равнины

Белизной своей слепят.
Приунывшими лесами,
Вдоль обрывистых берегов
День и ночь несутся сани,
Пар валит от рысаков.
Воздух щёлкает морозный,
Шум столичный позабыт.
Слышен только скрип полозьев
Вместе с цокотом копыт.
Колокольчик оживляет
Снежный девственный простор.
Перекур. И продолжают
Кони с далью долгий спор.
Сколько их в дороге пало
Под безжалостным кнутом?
Кучеру заботы мало
Сколько их падёт потом.
Белым облаком охвачен,
Вдаль несётся экипаж.
Путь его на юг означен.
Путь его, а с ним и наш.
Через просеки, болота,
Сквозь свирепую метель
В тех санях несётся кто-то
Завернувшийся в шинель.
Что за дело в эту пору
От столичной суеты
Прочь лететь то вниз, то в гору,
Через ветхие мосты?

С тройкой той из Таганрога
В Тульчин генерал спешит:
Чернышев, опричник строгий.
Чью он там судьбу решит?
Лихо он, Гермес бывалый
Мчит во весь опор коней.
Пыл охотничьей забавы,
Мнится в беге тех саней.
Только ловчий не намерен
Бить пернатых и зверей.
Нет, удел его прескверен:
Мучить, гнать, ловить людей.
Кто-то в Тульчине рискует,
Кто-то там не за царя.
Царский сыщик след учует,
Упредит и арестует
Там смутьяна-главаря.
Встарь он под Аустерлицем
Адъютантом полковым,
Помогал царю и быстро
Стал в его кругах своим.
И в салонах по-гусарски
Фрейлин всех обворожил.
А потом посланцем царским
Пару лет в Париже жил.
Очень ловким был шпионом,
Документы воровал,
«Дезой» для Наполеона,
Кабинет его снабжал.

К женским ласкам благосклонный,
Веселился, не тужил,
А сестре Наполеона
Даже голову вскружил.
И с Парижем распрощавшись
Перед самою войной
Он, изрядно нагулявшись,
Вовремя сбежал домой.
Воевал вблизи Варшавы,
Партизанил, а в бою
Он стяжал чужую славу,
Выдавая за свою.
Да геройствовал подложно,
Жить хотел, не рисковал.
Лишь бравадой многосложной
Блеск свой в свете умножал.
Тем сумел расположение
Государево добыть.
Кто ж сравнится с ним в умение
Лестью ум заморозить?
Лихо делает карьеру,
Генерал свет адъютант.
Был наперсник самый первый
Для царя сей confiant.¹
После смерти государя
Новой власти угождать
Будет он. И в злом угаре
Заговорщиков терзать.

¹ 1 confiant (франц.) -конфидент

Николай же (тоже сыщик)
Разгадает суть его:
«Этот парень-ловкий хищник,
Съест и брата своего».²
И возьмёт его на службу,
Хоть, возможно, презирал.
Так дойдёт тропею кружной
До министра генерал.
Это всё ещё случится,
Календарь считает дни.
Жертвам никуда не скрыться,
Ведь не ведают они,
Что уже идёт по следу
Хваткий, ловчий-ловелас.
Что бесславную победу
Вырвет он и в этот раз.
В чистом поле ветер свищет,
Но уже теплеет: юг,
Тульчин. Там «злодеев» сыщут
И доставят в Петербург...

² 2. Генерал-адъютант А.И. Чернышев войдёт в следственную комиссию по делу декабристов и будет одним из самых жестоких гонителей их. Но им руководили не столько государственные, сколько личные интересы. Он мечтал присвоить себе майорат своего двоюродного брата Захара Чернышева, осуждённого на каторгу в числе прочих заговорщиков. Но Николай Первый, при всём своём расположении к Чернышеву, не рискнул удовлетворить столь кроваваджное притязание своего любимца.

Глава Первая. Вестник смерти

Тройка Русь

Донос

Тройка-птица в снежном вихре-
Это Гоголь. Это Русь.
В дни страстей былых, что стихли
Я смотрю, не оторвусь.
В вихре снежном вестник смерти,
Первый акт грядущих бед.
Первой жертвой выбран Пестель.
И назад возврата нет.
С низкой целью в вихре стужи
Мчится к югу генерал.
Трону шаткому он служит
В лабиринте тёмных кружев
Государевый вассал.
Он везёт пакет секретный.
Там депеша: «В краткий срок
Должен быть полковник Пестель
Арестован и в острог
На допрос к царю отправлен.
В кандалах, аки злодей,
Под охраною жандармов
И ещё фельдъегерей».
С чем же связана тревога,
И какой в погоне толк?
Ведь прошло совсем немного,
Как хвалил царь Вятский полк.

Им же лично был назначен
Во главе того полка
Павел Пестель. Рыцарь мрачный,
Молчаливый. Свысока
Рассуждающий в беседе,
Но по службе терпелив.
Молчалив, суров. Не беден.
И к солдатам справедлив.
Тот же Пестель одобренье
Высочайше заслужил.
Под Бобруйском, на ученьях
Государь приветлив был.
– Точно гвардия шагает, —
Похвалил он Вятский полк.
Знал ли царь, что замышляет
Тот, кто в том строю прошёл?
Знал ли, нет, но в Таганроге
Обнаружится пакет,
Где донос лежал убогий,
На полковника навет.
Был же низкий доноситель
Командиру близкий друг.
А попутно расхититель
Полковой казны. И плут.
Про ночные встречи, сходки,
Про секретных целей план
Капитан донёс тот «кроткий».
Где там правда, где обман?
Скрупулёзно перечислил,

Поимённо указал,
Кто убить царя замыслил,
Кто его в сердцах ругал.
И, конечно, главным самым
Павла Пестеля назвал,
Тем сгубив. Но сам бесславно
Жизнь окончит: гость незванный
В грудь ему вонзит кинжал.
Нет предательству прощения
И однажды поздно, в ночь
Неизвестный ангел мщения
Выполнит обет священный
И затем исчезнет прочь.

Опасная забава

Царь, романтик по природе,
Знал про заговор давно:
Князь Васильчиков, тот, вроде,
Доносил, но под сукно
Положить доклад решает
Венценосный либерал:
«Не судья я им, мешает
Совесь. Так что генерал
Делу ход давать не будем.
Подождём, чтоб пыл угас,
Нас сама судьба рассудит.
Дело там пустое, князь».

Между тем проходит время,
Пыл не хочет остывать,
Вольнодумства зреет семя,
Недовольных множа рать.
Вольнодумие покрепче
Многолетнего вина.
Только может ли облегчить
Жизнь свобода лишь одна,
Если жить не по закону,
А по прихоти своей?
Как же строить злу препоны,
Коль свободен и злодей,

Что скорее будет силой
Остальными управлять.
Те свободны лечь в могилу,
Раз не могут воровать.

С тем ушёл в дела Европы
Царь от дум, что досаждали.
А в России санкюлоты
Конституцию желали.
Мнились им Дидро с Вольтером:
– Петербургу с русской Фрондой
Быть Парижа братом сводным-,
Так мечтали офицеры.
Только было их фрондёрство
То ли модною игрой,
То ль ребяческим позёрством
Скучной зимнею порой.
Между картами с шампанским,
Фейерверками балов,
Волокитством, дуэлянтством
И пустой бравадой слов.
Как-то мелко это всё же,
Эх, российская беда
Пустословием глупость множить
Да витийствовать года.
Пошумит, запив шампанским,
Речь свою смутьян со шпагой,
И затем в салоне дамском
Будет с этой же отвагой

Разбивать сердца красавиц
Звуками романсов томных.
Чтоб разбив, сей час оставить,
И опять шуметь в салонах.
Были те, кого обидеть
Император мог в сердцах.
Да и те, себя кто видеть
Мог лишь в роли удальца,
Якобинца или Брута.
Кто примерить сгоряча
Мог себе, на сцене будто,
Роль тирану палача.

Глава Вторая. Александр I

Император Александр Первый

На вулкане

Двадцать с лишним лет десница
Александра Русью правит.
Власть его гнетёт. Томится
В нём душа. Хотя восславят
Век его, триумфа полный
После взятия Парижа.
Ну а он в ночах бессонных
Смерти ждёт. Она всё ближе.
Знает он-кругом измена,
Молодые санкюлоты
Возжелали перемены
Власти. Ждут переворота.
А царя, хоть он всё знает,
Не страшит исход смертельный.
Словно он того желает,
Словно сам ждёт перемены.

•••

Офицерство тайно ропщет.
Побывавшие в Париже,
Захотели, как в Европе
Жить в России. Царь им: «Вы же
Уравнять в правах хотите
И дворян и мужиков?!
Полно, право, не шутите,
Где порядок без оков?

Вы быть может позабыли
Пугачёвщины разбой?
Здесь у нас не Пикадилли.
Русский путь особый, свой.
А какой, никто не знает.
И пока что, как вчера,
Этот лес заполыхает
От беспечного костра.
Не будите искрой пламя,
Не бросайте слов пустых.
Не ломать устои зданья,
Укреплять нам нужно их,
Просвещением народа
Благонравие взрастив.
Только так придёт свобода,
Всё иное-это миф.
Нужен вам закон с той целью,
Чтоб царями помыкать.
Чтобы праздность и безделие
Тот закон мог охранять.
Не взойдёт сия химера
На Руси. Помилуй Бог!
Без Царя исчезнет Вера,
Жизни праведной Исток.
Темнота страшнее рабства,
В тёмных душах не живут
Состраданье, сила братства.
Там разбойник или плут.
Нужно свет зажечь в тех душах

Веры пламенем, Христом,
Научить те души слушать,
Слышать сердцем. Лишь потом
И свобода будет благом
Для возвышенных умов...»
Вздвогнул царь. Под русским стягом
Шли полки. Их дружный рёв
Отдавался гулким эхом
В его царственных ушах.
Русский путь. Тут не до смеха.
С кем ты, русская душа?

В Смятении

Помнил царь, как якобинцем
Был и сам в молодые годы,
Пребывая в роли принца.
О свободе для народа
Сам мечтал и строил планы
По его освобожденью.
Как отца считал тираном,
Как очнулся в отрезвленье
После ночи той кровавой,
Сделавшей отцеубийцей
Вдруг его, вручив державу
Молодому якобинцу.
Грех свершил он ненароком,
Не хотел, но окруженье,
Ослепив его подвохом,
Подтолкнуло к преступленью.
А свершив своё деяние,
Заговорщики лукаво
Александрю передали
Трон преступный и кровавый.

•••

Александр, республиканец,
Президентом мнил себя.
Жил в стране, как иностранец,
Древних притчей не любя.

Тайный смысл богослуженья
Сердцем он не принимал.
Книжный мальчик Просвещенья,
Откровенья не читал.
Но в огне беды разлитой,
В том, двенадцатом году,
Православным неопитом
Стал. И тем отвёл беду.
В нём война тогда сумела
Силу духа испытать:
Взял француз Москву-сгорело,
Пол Москвы. Но не сломать
Русь. Народ объединился
На француза. И зимой,
Враг коварный притаился
Да попятился домой.
Вероломное вторженье
Бонапартовой орды
Пресеклось. И во спасенье
От немыслимой беды
Прочь погнал Наполеона
Александр Благословенный.
Вот ему уже поклоны
Бьёт Европа умиленно.
Стал он первым, кто доньше
Взять сумел врата Парижа,
Где король на гильотине
Принял смерть взамен престижа.
Но триумфа древних улиц

И сверженья Бонапарта
Слишком мало, чтоб уснули
Боль и грусть его утраты.
Им не снять греха той ночи,
Но как хочется. Как очень
К этому душа стремится,
Чтоб отцу живому, Отче!
В ноги пасть и повиниться...

Глава Третья. Предсказание

Мария Ленорман

Париж

В Париже, выше облаков
Царь Александр вознёсся славой.
Но мучил вид его кровавой
Толпы поверженных врагов.
Наполеон всегда спокойно
Картины смерти созерцал,
Но Александру было больно,
Смотреть, как кто-то умирал.
Пусть это враг, солдат мятежный,
Но он увы, едва живой.
Не враг уже тот, кто повержен
В войне, где кровь лилась рекой.
И даже посреди разгара
Весёлых дней после войны
Виденья смерти и пожаров
Из тёмной плыли глубины.
Балы, красавицы и речи
Не истребили сей кошмар.
И вот себя решил развлечь он
В тумане грёз гадальных чар.
В Париже был салон известной
Хромой гадалки Ленорман.
К ней царь пошёл, но если честно
Считал: гадание-обман.
Она гадала Бонапарту

И предсказала ему крах.
Тот с возмущением: «К чёрту карты!
Я разнесу Россию в прах!»
Изгнав гадалку из страны он
Свой план войны не отменил.
А Русь, подняв его на дыбу
Назад погнала что есть сил.
И он разбит, и он унижен.
На жалкий загнан островок.
А та гадалка вновь в Париже.
Другим уж прочит тяжкий рок.
И Александру захотелось
Развеяться от мрачных дум.
Узнать судьбу уж не терпелось.
С ним Чернышев, надёжный грум.
Царь сам был бог мистификаций.
И шутки ради вздумал он,
Переодевшись, в женском платье
Пойти в сомнительный салон.
Ведь от сестры Екатерины
Его никто не отличал,
Когда на светских вечеринках
В её он платьях зажигал.

Пророчество гадалки

И без свиты, с Чернышевым,
Скрыв свой план от остальных,
Вечером в салон пошёл он.
Видно чёрт попутал их.
Разузнает ли гадалка,
Что мужчина перед ней:
«Чернышев! Пари! Не жалко
Ста рублей? Седлай коней!»
Сумрак в комнате. И душно,
Свечи тусклые чадят.
Пляшут тени, словно души
Чьи-то грешные горят.
Стол стоит, сукном покрытый,
На столе колода карт.
Силуэт за ним, размытый.
«Посмеялся бы Лагарп,
Как его питомец юный,
Что Вольтеру был под стать,
Сел в салоне полоумной
На судьбу свою гадать», —
Думал он во тьме кромешной.
«Дайте, сударь руку мне», —
Молвил женский глас неспешный
В жутковатой тишине.
Он даёт, застыв с тревогой,

Руку царственную ей.
«Жить осталось Вам недолго», —
Тот же глас среди теней,
«Если будете на троне,
Сир, и дальше восседать.
А уйдёте добровольно,
Счастье сможете познать.
Ждёт тогда Вас долголетье,
Мир душе, а не костёр,
Страшных дней забвенье этих.
Выбирайте, монсиньор...»
Вышел он, слегка шатаясь,
Ум не в силах разгадать,
Как же дева догадалась,
Что он царь. Смогла узнать
Про душевные терзанья,
Неизбывную печаль...
Вспышкой в гаснущем сознанье,
Небосвод, плывущий вдаль...

Сомнения

«Ничего себе, развлёкся!», —
Думал царь, придя в себя.
«И кошмар мой не пресёкся,
Выбор вновь гнетёт меня.
Как же быть? Жить, как и раньше
Венценосным мне рабом?
Или к чёрту бросить фальшь. И
Мир душе вернуть трудом?
Предсказанья тем опасней,
Что нельзя их разгадать
До поры, когда несчастья
Лик начнут приоткрывать.
Ну а если предсказанье
Православного царя
К роковой подводит грани?
Верить им вдвойне нельзя.
Разве должен венценосец
Верить в дьявольский сей бред?
В том позор ему несносный,
А стране опасный вред.
Быть? Не быть? Вопрос сей мучил
Принца датского давно.
Жить, судьбы не зная, лучше.
Будь, что будет. Всё равно!
Чем внимать гадалке, страстно

Трепетать, со страхом ждать
Приговор судьбы несчастной,
Лучше жить и не гадать
Чей ты завтра вызов дерзкий
Должен будешь принимать».
Царь от этих дум стал трезво
Мыслить и ровней дышать.
Он в конце концов решает:
«Шарлатанство в том, обман».
И на время забывает
Предсказанье Ленорман.

Глава Четвёртая. Тень Императора

Наполеон Бонапарт

Одиночество

«Что, Государь Вам нагадали?», —
Пытался Чернышев спросить
Царя, но тот тогда едва ли
Был в силах с кем-то говорить.
Шатаясь, вышел он обратно,
Закрыв в задумчивости дверь.
Был не готов ответить внятно:
Чем опечален он теперь.
И лишь молчал. Свои сомнения
Не мог доверить никому.
Про эти пляшущие тени
И про пугающую тьму.
Кому сказать, кому открыться,
Зловещий выбор чтоб решить?
На чью мог честность положиться
В вопросе этом: «Быть? Не быть?»
Он, самодержец всероссийский,
И всё же раб своей судьбы.
К барьеру встать иль застрелиться
Ради страны, где все рабы.
Но этим рабство не отменишь,
Не смоешь вечное клеймо.
Царь понимал страну всё меньше,
Надеясь, что придёт само
К нему заветное решение,

Спасёт его лучом во тьме.
И он дожждётся просветленья
В своём истерзанном уме.

И долго он стenal и бредил,
Страдал кошмарами во сне,
Всё вспоминая, как заметил
Престранный профиль на стене.
В мельканье искр, окровавленный
Знакомый лик увидел он.
То был невинно убиенный
Отец. И с ним Наполеон.
Отец смотрел, как будто каясь.
Наполеон же угрожал,
С гримасой гневной приближаясь
И обнажая свой кинжал.
Вконец измученный кошмаром,
Решает царь, что нужно жить.
«Я не оставлю трон свой даром,
Народу буду я служить».
В решенье этом-упованье
Судьбу, как в карты, обыграть,
Испепелив воспоминания.
И неизбежность избежать.
Страну реформами возвысив,
Он думал, сможет тем вернуть
Спокойное свободомыслие,
С которым начинал свой путь.

Перелом

С конституции для финнов
Стал вводить реформы он.
Следом Польша. Русь ждёт чинно.
«Ей свободу дам потом» —
Обещал царь с сердцем лёгким.
Обещанье не сдержал.
Очень быстро, жёстко, ловко
Меттерних его сломал.
Сей лукавый, лживый канцлер
На сомнениях Царя
Разыграл свой план. На карту
Страх поставил. И не зря.
Убедил его умело,
Что в России зреет бунт.
Чтобы думать и не смел он
О реформах, мол сомнут
Власть познавшие свободу
Орды дикие крестьян.
Глуховатый от природы
Государь совету внял.
Но не столько он народа,
Сколько генералитет,
Опасался. За свободу
Пили там, и громче всех.
Были там, кому свободный,

Европейской жизни стиль
Стал причудой новомодной.
Тем немало душ смутил.
И в пылу вольтеррианства,
Не поняв проблемы суть,
Зашумит всю дворянство
Про царя и русский путь.
Генералы, офицеры
Конституцию алкали,
От царя со светлой верой
Дар свободы ожидали.
Эта вера с сейма в Польше
Осветила упование.
Но слабела вслед, чем дольше
Государь хранил молчанье.

Продолжалось всё недолго,
Изменился Государь.
На челе его тревога,
Взор стремится куда-то вдаль.
Непонятно, что случилось,
Что смутить его могло.
Ведь Европа покорилась,
Правит в ней конгресс его.
Разочарованьем горьким
Обернулись ожидания.
Бунтом, словно взрывом громким
Полк Семёновский восстаньем,
Положил конец сомненьям.

И, как первая расплата,
Все надежды скрылись тенью,
Словно точкой невозврата.
Те, кто гнали прочь француза,
Не пятнав себя изменой,
Не смогли смириться с грузом
Муштровщины, прусской скверны.
На защиту уповали
Венценосного кумира.
Но никак не ожидали,
Что ославят их безвинно.
Меттерних одним из первых
Нашептал царю про бунт:
Что дела мол сих неверных
К революциям ведут.
И конечно царь увидел
В этом козни либералов,
Разогнал полк и обидел
Седоусых ветеранов.

Уж гремят в Европе грозы,
Мрачный дух Наполеона
Подстрекает бунты грозно,
Да всюю шатает троны.
Человек! Бедняк, владыка ль
Не дерзай равняться с Богом.
Тщетны все твои попытки,
На себя взгляни ты строго.
Пред стихиями бессильный,

Ты песчинка во Вселенной.
Лишь Творец один всемогущ
Кладь мосты и рушить стены.
Ахен, Лайбах и Троппау-
Жалких разочарований
Путь к отчаянию от славы,
И к насилию от воззваний.
Вместо мира снова войны
Без каких либо сомнений.
Меттерних весьма доволен,
Александр в недоуменье.

Эх! Двадцатый год, мятежный
Запылал да закружил.
Александр суеверно
Бонапарта в том винил.
В том, что тот своим примером
Честь престолов обнулил
И горластым, злым и серым
Смердам головы вскружил.
Португалия, Неаполь
Там испанцы, тут Пьемонт,
Как со стапелей корабль
Революции в тот год
На Европу опустились,
Реставрации грозя.
«Словно в вихре закружились
Бонапартовы друзья», —
Александр о том всё чаще

Думал тщетно и мрачнел:
Что не так с священной властью,
Знать хотел, но не сумел
Он понять, чего народам
Не хватает. Что не так.
Всё слабее год от года
Мог понять, кто друг, кто враг.
Потому тень Бонапарта
В мятеже любом он видел.
И рассорился с Лагарпом,
Мудрецов возненавидел.
Стал чужой служить он воле
Да интригам Меттерниха.
Посылал солдат на бойню,
Вместо мира сеял лихо.
И совсем отставил планы
Дарования свободы.
И решил, что быть тираном
Благо для его народа.

Разочарование

Двадцать первый год. Начало мая.
Александр задумчиво сидит.
С клёкотом весёлым птичья стая
Над беседкой к северу летит.
С завистью птиц взглядом провожая,
Он подумал: -Как бы я хотел
Улететь с той журавлиной стаей
От своих бесплодных царских дел.
Птицы, вас не мучат наши страсти:
Вожделений сладостный туман,
Жажда славы, как и жажда власти.
И любви несбыточной обман.
В небесах парите вы привольных,
Нас не замечая с высоты,
Мелочных, бескрылых и безвольных,
Изолгавшихся до тошноты.
Жить чужим трудом, нужды вам нет тут,
Как и воевать, весь мир губя.
Птицы, вы одни на всю планету
Сеете добро вокруг себя.
Царь вздохнул и вышел из беседки.
Он решил вернуться в кабинет,
К золотой, но ненавистой клетке,
Где душой томился много лет.

С Меттернихом он устал сражаться,
И от вероломства он устал.
Вышло всё не так, за что он брался.
И качнулся славы пьедестал.
Миражи военных поселений
Обернулись бунтами крестьян.
Вольности проект, что так лелеял
Затянул апатии туман.
Свой народ, что одичал от рабства
Понимать, считал он, не с руки.
Он мечтал о жизни в тихом графстве,
Где-нибудь в Европе, близ реки.
Где звучит свирель, не балалайка,
И всегда ухожены поля,
Вороньё не кружит чёрной стайкой.
И теплее кажется земля.
Потому скитался, как Агасфер,
С жаждой избавление найти
От судьбы, где лишь топор на плахе
Виделся ему в конце пути...

Призрак

Холодом подуло из камина,
Хоть огонь в нём весело горел.
Царь себе на плечи плед накинул,
Обернулся и остолбенел.
В кресле у огня в простой шинели
Мрачно восседал Наполеон.
«То ль с ума сошёл я, в самом деле,
То ли это вновь кошмарный сон?», —
Думал Александр, объят сомнением,
Глядя на зловещий силуэт.
Вдруг пронзила мысль, как так, без тени
Силуэт сидит, а тени нет.
В тот же миг он вспомнил донесенье,
В нём слова: «...злодей уж обречён», —
Понял он, что видит приведенье-
Тенью был теперь Наполеон.
Бывший император стал моложе,
Чем-то неземным светился лик.
Или то в огонь камина всё же
Жар из преисподней с ним проник.
Бонапарт смотрел, чуть усмехаясь,
Вскинув брови и брезгливо сморщив нос.
«Вслед за мной туда пойдёшь, я знаю», —
На камин кивнул и произнёс
Силуэт покойного тирана,

Вечного соперника царей,
Кто смирял и племена, и страны,
Возносясь над Францией своей.
«Мог бы ты в Париже всё исправить,
Если бы послушался меня, —
Продолжал он, – Францию оставить,
Честь врага достойного ценя
И мои условия отречения-
Я за них готов был умереть.
А теперь готовься ты к мученьям
Перед тем, как в гости примешь смерть.
Ты когда то орден Беннигсену
У меня в Тильзите попросил
Для злодея, имя чьё презренно,
С чьих ты рук корону получил.
Мог ли я французскую награду
Дать убийце? Нет, не допустим
Сей позор. И вот уж скоро рядом
Буду я с отцом твоим святым.
Те, с кем ты сегодня очень дружишь,
Ополчатся на твою страну.
Твой преемник, брат, познавши ужас,
Так же, как и ты сойдёт во тьму.
Сын его рукою запоздалой
Всё ж решит освободить народ.
Только проку в этом будет мало,
И потом народ его убьёт.
Рабство дикость лишь плодит и множит,
Страшен беспощадный гнев толпы.

Рабство душ указ убить не может-
Осознаешь слишком поздно ты.
Век пройдёт, и подлые монархи
Мировую разожгут войну.
И слетят короны, иерархи,
Ну а этот мир пойдёт ко дну.
Закружится он в кровавом смерче
Революций, войн и мятежей,
Превратившись сплошь в добычу смерти,
В ночи длинных алчущих ножей.
Ты не смоешь грех, отцеубийца, —
Не прощают это небеса.
И твоя столица возмутится,
Твой народ возьмёт свободу сам.
Сам посмеет он освободиться
Из под власти царственных вельмож.
Знал ли ты, решаясь на убийство
Ночью той, куда страну ведёшь?
Будет бунт. И кровь польёт рекою.
Ведь рабы, сорвавшись вдруг с цепи,
Не способны ни на что другое.
И рванёт котёл, что век кипит.
Я рождён был, чтобы все народы
Племенем одним объединить.
Вы ж за власть свою, дрожа, свободу
Никому не в силах подарить.
Кровь от крови, словно плод от плода,
Эту цепь ничем не разрубить.
И своей трусливости в угоду

Вы меня решили отравить.
Подло, мышьяком, в таком же стиле,
Что и табакеркой да в висок.
Зря. Ведь подчинять себе стихии
В этом мире может только Бог.
Умер я. Вослед придут другие,
Смелых вам не отравить идей.
И сметёт девятый вал стихии
Вас и ваших преданных людей.
Я один сумел без гильотины
Бунтарей с законом примирить.
И страна бесправная, отныне
Станет местом, где вольготно жить.
В ней не встретить рабское унынье.
Хоть ты и вернул Бурбонам трон,
Скоро их не будет там в помине,
И опять во царствует закон.
Вспять не повернуть страну и время,
Пушками не усмирить народ.
Гроздя гнева, как свободы семя
Прорастут и власть царей падёт.
Рухнут казематы и темницы
Под напором вихря перемен.
И свобода вспыхнет, как зарница
Посреди тюремных мрачных стен.
Легитимность ваша – словоблудье,
Сказка для пещерных тёмных масс.
Век пройдёт и, просветившись, люди
Навсегда избавятся от вас.

Самодержцев праздных и развратных,
Незаконных баловней судьбы...»
И в конце ещё, совсем невнятно
Что-то прошептал и вновь застыл.
И исчез, а царь в оцепенении
Наблюдал каминных искр полёт.
«Государь!, со срочным донесеньем
Вас курьер с Святой Елены ждёт...»
Александр, как бремя наважденья
Сбросил с плеч ненужный больше плед,
Зная, что прочтёт он в донесении,
Вскрыл с гримасой ужаса пакет...

Глава Пятая. Заговор

Союз Благоденствия

Роковые знамения

Восемь лет с наследьем Бонапарта
Воевал Священный лже-союз.
С ним под шум речей и треск петардный
Александр тащил свой тяжкий груз.
А страна тем временем страдала
Под пятой вельмож-временщиков.
Набираясь злобой, изнывала
Чернь от рабских гибельных оков.
Общество мятежных офицеров
Планы не отставило свои.
Александр не хватало веры,
Друга бескорыстного, любви.
Верить в Бога он не научился,
Хоть и знал, что Бог ему помог.
Он в своей гордыне не смирился.
Потому был в жизни одинок.
И друзей теряя понемногу,
Новых он уже не находил.
Где тот друг тебе, наместник бога,
Кто бы не с царём, с тобой дружил?
И любовь, свободная, как птица,
Избегала царское чело.
Ей в хоромы царских не сидится-
Упорхнёт она всему назло.
Рабство – суть любых земных законов.

И законы те не обойти.
А любовь не признаёт препоны,
Ей с порядком букв не по пути.
Александр знал про то и помнил,
Что его любимая Софи
Рождена в любви, но не в законе,
А к жене законной нет любви.
Бабушка его Екатерина,
Деспот на престоле и в семье,
Внукам Александру, Константину
Жизнь скроить решила по себе.
Кем им стать, за них она решала.
Что читать, чем жить, кого любить.
И невест сама им выбирала,
Не трудясь, их мнение спросить.
Потому те двое в жизни личной
Счастье не сумели испытать
И, живя в плену пустых приличий,
Не познали страсти благодать.
Александр юношей незрелым
Вынужден пойти был под венец.
Он был кроткий, робкий и несмелый.
И в любви не сведущий юнец.
Но свою Луизу поначалу
Нежно и по-детски полюбил.
Счастье быть отцом не испытал он.
А потом изменой, как кинжалом
Чувство своё детское убил.
И Луиза не была наивной,

Развлекаясь с ночи до утра.
Возрождала дух Екатерины
В лабиринтах царского двора.
Завела любовные интрижки
И жила в плену сердечных мук,
Жизнь её навеки отравивших
Жалом сплетен, что плелись вокруг.
Лишь в одном она не преуспела,
Не смогла наследника родить.
Не смогла, а может, не хотела
Интересам мужа послужить.
Дочки очень быстро умирали.
Сыновей Господь ей не давал.
Александр, сгорая от печали,
Вида никому не подавал.
За грехи расплата, рассудил он,
Невозможность свой продолжить род.
Об одном лишь небеса молил он-
Пусть проклятье это с ним уйдёт.
А потом в несчастной личной жизни,
От которой грустно угасал,
Встретил он Марию, всех капризней.
Дочь Софи им вскоре Бог послал.
Дочь росла, но хрупкое здоровье
Стало беспокойством для царя.
Мать же, как и всё её сословье
Не блюла законы алтаря.
И Софи её не уважала
За распутность, нравственную грязь.

Александра просто обожала
И его жену Луизу. Князь,
Мнимый батюшка её, Нарышкин
Стоиком рога свои держал.
Что росли из царственной интрижки,
И других грехов, что царь прощал
За свою красавицу Софию,
Чьё лицо, как копия его.
А в салонах светских разносили
Сплетни про неё и про него.

Бедный Александр и дочь его,
Два столь одиноких существа.
Их всю жизнь друг к другу так влекло,
Но по силам только небесам,
Чтоб соединялись острова.
Им семьёй бы быть по жизни надо,
Не изнемогая от разлук.
Хворь Софи не видела преграды
Без тепла его отцовских рук.
И Луиза Софью полюбила,
Значит в сердце царь её был свят.
Жалко, что судьба не сохранила
На земле безгрешное дитя.
Жаль, не жить цветам на чуждой почве,
И однажды бедная Софи
Вознеслась на небо непорочной.
Незаконный плод земной любви.
Это был удар невыносимый.

Наказанье божье видел в нём
Александр. И жить не стало силы,
Жизнь его осталась вся в былом.
Следом были новые знамения.
Вспыхнуло вдруг Царское Село.
Храм тогда сгорел Преображенья.
Сумрачно на царское чело
Ляжет тень фатальной, горькой муки
Он поймёт-то плата за грехи.
Храм сгоревший-это мир, что рухнет
От разгула бешеных стихий.
Превратившись в призрака при жизни
От жестоких горестей, утрат,
Изводил себя царь укоризной,
Что нельзя на десять лет назад
Жизнь свою вернуть и всё исправить,
И покой душевный обрести,
Навсегда злосчастный трон оставить,
И страну, быть может, тем спасти.
Но судьба потоком мутной жижи,
Александра мчала по стране
Всё бегом, в бега. Но только ближе
Видел смерть он в каждом новом дне.

•••

День, когда Нева, набравшись силой
Превратилась вдруг в девятый вал
И собой столицу всю накрыла,
Страшно Александра напугал.
Он увидел: на Руси восстанье

Огненной секирою пройдёт
По судьбе людей и мирозданию,
И страну вверх дном перевернёт
Словно та могучая стихия,
Что ломала стены и мосты
И в потоке грязном утопила
Чистые, наивные мечты
Юноши со статью Аполлона,
С праздною, но нежною душой,
Чья судьба, разбив Наполеона,
Превратиться в призрак чуть живой.

Прозрение

После встречи с привидением
Александр загрустил.
Спор вести заочно с тенью
У него не стало сил.
После этого свиданья
В мистику поверил царь,
В приведеный хладный пламень,
В смысл примет, известных встарь.
В тайных предзнаменований
Вековую глубину.
И в проклятье обществ тайных,
Всю опутавших страну.
Царь когда то был масоном,
Он считал, что то игра.
Но как тень Наполеона
Революции искра
Пригрозила вдруг пожаром
Всей Европе. Вот тогда
Он запрет масонов с жаром
Утвердил раз навсегда.

•••

И стрелою поражённый
В ахиллесову пяту,
Призраком заморожённый
Верил в новую мечту.

Как догадкой быстротечной
Осознал, что не обман
Позабывтое беспечно
Предсказанье Ленорман.
Всё, что в кресле у камина
Корсиканца дух вещал,
Царь с пророчеством Марии
Вместе мысленно связал.
И в прозрении запоздалом
Рок узрел своей судьбы.
На челе его усталом
След отчаянной борьбы.
Где тот лик порфирородный,
Что Державин воспевал
И кто в памяти народной
Светлым ангелом порхал?
Кто по сердцу, по законам
Править людям обещал?
Нет того, теперь другой он
Словно тень. А тот пропал.
«Чтоб в надежде иступлённой
От судьбы своей уйти,
Как от слов Наполеона
Мне спасение найти?
Хоть какой-то выход к свету
Из крошечной темноты?
Не прислушался к совету,
Ленорман напрасно ты.
Почему ты не оставил

Окровенный престол?», —
Царь спросил себя и вставил:
«Потому что был осёл!
Я хотел народом править
По законам бытия.
Конституцию составить
Для него и для царя.
Чтобы в тех законах были
И порядок, и права.
Чтоб они добру служили
Силой слов, не на словах.
Люди чтоб по всем канонам
К процветанию пришли
И, живя в ладу с законом,
Всё же счастье обрели.
Но не в национализме,
А в былинной той стране,
Где под скипетром царизма
Каждый будет обогрет.
Где не кровь, что от рожденья
Каждому судьба даёт,
Благо есть, но лишь служенье
И смиренных душ полёт.
С тем бы Русь преобразилась,
С тем воздвиглась бы она.
Только жаль, что лишь приснилась
Мне та дивная страна.
Ну, а эту, где я правлю
Двадцать пять почти что лет,

Вряд ли я уже исправлю,
В ней людей достойных нет.
Лживы все и кровожадны,
Справедливость им к чему?
Честные для них все странны.
Я не верю никому.
Где вы, юные затеи,
Тайный дружеский союз?
Ваш наследник Аракчеев,
Лицедей, садист и трус.
Рассуждения Лагарпа
Зачеркнула Крюденер.
Фотий не святее папы,
Интригана он пример».

И трагическим прозреньем
Освещал царя чело
Смысл таинственных видений,
Жаливших во сне его.
Понял он, что заблуждался,
Став душителем свобод
И напрасно отказался
Сделать вольным свой народ.
Да таинственные знаки
Не пытаюсь разгадать,
Лишь блуждал, как тень во мраке
И пытался убежать
От своих воспоминаний,
Шёл по ложному пути.

И кружил, кружил в тумане.
И покой не смог найти.
Коршуном терзала совесть,
Жёг Михайловский замок.
Столь печальной стала повесть,
Сколь зачин её был сладок.
Он тогда побег от трона
Стал в мечтах своих лелеять-
Слишком тяжкий груз корона
Для души, уставшей верить...

Гвардейская Фронда

Знать могло ли окруженье
Эту боль и бичеванье?
Это вечное сраженье
Агнца, ждущего закланья?
Он познал. И с этим знаньем
Приговор себе сам вынес.
Но врагам же наказанье
Не желал. А те глумились
Над его великодушием.
Были злобны, кровожадны.
И удобный ждали случай
На параде ль, встречах званных,
Совершив цареубийство,
С крепостным покончить правом.
Только было в том витийство
И опасные забавы.

Мужику, к чему свобода?
Он с землёй навеки связан,
Сын земли его порода.
Быть другим он не обязан.
Он таким издревле создан,
Труд его предназначенье.
Он в труде своём свободен.
Остальное-зablужденье.

Но иначе рассуждали
Карбонарии молодые,
План мятежный обсуждая
В дни от сумрака седые.
Было их собрание шумным
Разношерстным, пёстрым вече.
В меньшинстве идейных, умных,
Но в достатке первых встречных.
Неофиты приносили
Клятву верности собранью,
Но не все её хранили,
Так, как честь на поле брани.
В них изрядно жило детство,
Что война навек отняла.
От печалей же есть средство-
Жало Зандова кинжала.

Годы шли в дебатах шумных
И бурлило это вече.
Лишь немногих, трезвых, умных
Справедливы были речи.
Тех, кто мудро убеждали
Отказаться от террора.
В том, что вовсе не в кинжале
Истина в решении спора.
Потому что рабства цепи
Должно рушить не мечом.
Голова за то в ответе,
Рабство лечится умом.

Просвещение народа,
Мощь культуры, воспитание-
Выход в них. Четыре года
Продолжались те собрания...

Пестель был упорней многих,
О восстании мечтал,
Чтоб царя убрать с дороги.
Свод законов начертал
Для страны освобождённой
От монаршеских цепей.
Только план тот был никчёмным
Прозябающей стране.
Братство, равенство, свобода
Для России звук пустой.
Рабство-вот её природа,
Вечной ставшее судьбой.
Все рабы в ней. Царь, раб трона,
Крутит власти жернова.
И хранит его корона
Под замком людей права.
Если кто-нибудь замыслит
Отыскать к свободе путь,
Тень предательства нависнет
И найдётся кто-нибудь,
Кто угодливо сумеет
Всё раскрыть и всех продать.
Власть таких всегда лелеет,
Ценит их любая власть.

И один из них, мы знаем,
Павла Пестеля предаст.
И царю донос отправит,
Подло думая: «указ
О мятежников аресте
От суда спасёт его» —
И решил, забыв о чести-
Будет, мол не до него.

В напряжённом ожидании
Петербург давно живёт.
В мае грянет гром восстания,
Терпеливо Пестель ждёт
Лишь условного сигнала,
Петербурга дружный глас,
Что уж гвардия восстала,
И пробил заветный час.
Мог бы он мятеж затеять
И на юге. Но зачем?
В Петербурге нужно сеять
Прежде смуту. А за тем
Окружить дворец монарха
И к присяге привести
Новой власти иерарха
Да республику ввести.
Но потом он поменяет
Срок восстания на январь.³

³ Одной из главных причин неудачи, которое потерпело движение декабристов являлось соперничество между лидерами северян (князь Сергей Трубецкой,

Место-юг, но всё смешает
В ноябре, скончавшись, царь.⁴
В январе же Пестель должен
Был с полком своим стоять
В карауле. Но не сможет,
Не судьба мятеж поднять.
Александр уничтожит
Заговор, направив вспять
Весь их план. Монарх «ничтожный»
Сможет всех переиграть.

Никита Муравьёв) и южан (Павел Пестель). К середине 1825 года этот процесс зашёл слишком далеко, когда Сергей Трубецкой буквально внёс раскол в ряды руководства Южного общества, войдя в сговор с руководителями Васильковской управы Сергеем Муравьёвым – Апостолом и Михаилом Бестужевым-Рюминым и предложив им действовать совместно якобы с целью борьбы с «бонапартизмом» их лидера Пестеля. Именно это и вынудило Павла Пестеля пойти на изменения ранее согласованного с северянами плана восстания и изменения срока и места его начала.

⁴ Подготовка к началу революции в тот период уже шла к успешному завершению. Заговорщикам не хватило буквально двух недель для осуществления задуманного Пестелем и его соратниками.

Шервуд

Двадцать пятый год и скоро осень,
Птицы собираются на юг.
Александр скоро сорок восемь
И печаль, его привычный друг,
Часто и подолгу навещает
В сумраке заброшенных аллей,
Где он неизменно вспоминает
О покойной дочери своей.
Рана эта всё большее гложет,
Беспокоит даже и во сне.
Александр забыть о ней не может
И о том, как счастлив был он с ней.
Летом он, вдали от дел придворных,
Был рассеян, библию читал,
И салонов петербургских, модных,
Кажется, совсем не посещал.
Правда, был весною принц Оранский,
С ним дела Союза обсуждал.
Александр ему: «Мне трон мой царский
Тягостен. Я от него устал».

После сейма праздное безделье
Некий Шервуд дерзко вдруг прервал,
Написал донос и Аракчеев
В кабинет к нему его послал.

Шервуд всё царю про возмущенье
В армии подробно рассказал.
Намекнув про лиц, «что поважнее»,
Александра даже испугал.
Мальчики гвардейские ничтожны,
Их слова-пустая дребедень,
Но совсем другое те вельможи,
Чьи примеры Пален, Беннигсен.
Эти слов на ветер не бросают
И доводят дело до конца.
Жертв своих бесстрастно убивают,
Это те, сгубили что отца.
Из доноса понял: всё семейство
Решено под новый год убить.
Александр на это: «Шервуд, действуй.
Мы врага должны опередить».
Только знал, опасны не гвардейцы,
Те, из незначительных чинов,
А, возможно, кто-то из семейства,
Кто взойти на трон давно готов.

Вскоре принесли письмо от Витта:
Рвался граф к царю, чтоб донести
На южан.
– Как надоела свита.
Как же мне от них себя спасти?
Изменить навек свою судьбину
Только наяву, а не во сне
Увидать святую Палестину,

Снять грехи, которые на мне.
Получить святое отпущенье
В тех, пока ещё святых местах.
И потом найти успокоенье
В крымских верноподданных садах.
Александр, опытный политик,
Понимая, что дворец-капкан,
Действовать решает по наитию.
И судьба ему дарует шанс.

Глава Шестая. Последняя Ставка Царя

Дворец Александра в Таганроге

Болезнь Луизы

Виллье, врач, сказал: «Больна царица
И в печали тает, как свеча.
Во дворце душой она томится,
Вам на юг бы съездить сообща».
«В Таганрог! Уж там любой мятежник
От моих не скроется орлов.
Собирайся, Дибич, скоро едем
Прочь от сих убийственных дворцов» —
Александр ожил, развеселился,
Закипела молодость в крови.
Он, обняв печальную царицу,
Вспомнил дни своей молодой любви:
«Я, душа моя, вперёд поеду.
Подберу нам домик для житья.
За тобой потом уже заедут.
Будем жить с отрадой, ты и я.
Тёплый воздух хворь твою излечит,
Воздухом морским с тобой дышать
Будем каждый день, а каждый вечер
Молодость с любовью вспоминать».

Остров Каменный. Ночные тени
От деревьев. Мрачен старый парк.
Во дворце, в одном окне горели
Свечи. В кабинете, где монарх

И его любимец Аракчеев
Что-то обсуждают допоздна.
Осенью в окно прохлады веет,
Светит полумесяцем луна.
– Аракчеев, слушай, я с царицей
Очень срочно еду в Таганрог.
Вызвал я тебя к себе проститься.
– Государь, я буду одинок
Буду здесь один за вас молиться.
– Помни, связь ты с Шервудом держи.
В сентябре там всё должно решиться,
Только, знаешь, очень не спеши.
Присмотрись поближе к графу Витту,
Что-то генерал никак юлит.
Корысть гложет видно сибарита.
Не с казной ли часом он шалит.
Глубже вникни ты в его делишки,
Витт он ведь искусный интриган.
Шашни эти, девочки, картишки
Не дешёвый, знаешь, балаган.
Мне подробно всё потом изложишь,
Дибичу депеши свои шли.
– Что-то, сударь, я за вас тревожусь,
Как бы Вас враги не извели.
– Брось, пустое. Мне пора в дорогу,
К югу. К морю дальнему пора.
Обо мне молись почаще Богу,
Друг мой, ведь – грехов на мне гора.
Тот пакет, в Успенском, ты же знаешь

Привезёшь ко мне, когда скажу.
Ты меня в беде ведь не оставишь?
Ну, ступай. Один я посижу.

Аракчеев

Аракчеев, этот служба царский,
Графа Витта злой антагонист,
Страх почуяв, сильно испугался.
И душой от этого раскис.
Он не зря чутьём звериным понял —
Александр на троне не жилец,
Обречён и кончится приволье.
Понял, без царя ему конец.
Замер он перед иконостасом:
– Без царя они забьют меня.
Но спасёт временщика Настасья,
В Грузине кровавая резня.⁵
Несмотря на то, что царь сердечно
Все его достоинства ценил,
Вмиг лакей забыл о дружбе вечной
С тем, в ком не увидел прежних сил.
Сельский дворянин, почти, что нищий
Власть к рукам огромную прибрал.

⁵ Заболев в Таганроге, Александр несколько раз вызывал к себе Аракчеева, находившегося тогда в своем имении Грузино, но тот упорно отказывался приехать, ссылаясь на тяжкое моральное состояние в связи с убийством дворовыми людьми его экономки и сожительницы /Настасьи Минкиной. прим. автора/; он даже самолично сложил с себя полномочия командующего военными поселениями, чем несказанно удивил высшие чины России. / А.Н.Сахаров «Александр I». Наука, 1998/

И князей считая за людишек,
С лютым сладострастьем унижал.
Но служил всегда тому, кто в силе.
Не за честь, за ласку лишь одну.
Прежнего кумира вёл к могиле,
И уже пред новым спину гнул.
Даже и узнав, что отравили
Александра те, с кем тот дружил,
Он бы и тогда, как лошадь в мыле
Этим отравителям служил.
В нём душа не дрогнет, боль не схватит.
Чёрные дела свои верша,
За добро, предательством оплатит
Тёмная лакейская душа.

В Таганрог

Александр быстро в путь собрался,
Заложил коляску и вперёд.
Позади уже дворец остался.
Что же впереди монарха ждёт?
В ночь отъезда в Лавре помолился,
У надгробий дочек постоял.
За кордоном вновь остановился,
С городом прощаясь. Помолчал.
Сел в карету, вот обитель скрылась,
Ехал он практически один.
А душа смятенная стремилась
К морю от пустыющих равнин.
Как то незаметно отпустила
Сердце безысходная печаль.
А меж звёзд комета всё светила,
Хвост свой, устремив, куда-то вдаль.
И на небо звёздное ночное,
Глядя, он возможно понимал,
Что комета нечто роковое
Предвещала. Если бы он знал,
Знал про то, что все ему изменят,
Что его уже Голгофа ждёт
Впереди и скоро, как приедет
В город, где так странно он умрёт.

Озарение

Таганрог. А вот и домик,
О котором так мечтал.
Царь, украсив спальню, дворик,
Там царицу поджидал.
Как простолюдин трудился,
Двигал мебель, окна мыл.
С петухами спать ложился.
К мистике своей остыл.
Встретив с радостью супругу,
Ласков, нежен был и мил.
Благотворный воздух юга
Их обоих оживил.

Император Александр и императрица Елизавета

Каждый день прогулки к морю.
Завтрак, ужин-всё вдвоём.
И с лица Луизы вскоре
Грусть ушла. Теперь на нём
Светит добрая улыбка,

И любовь горит в глазах.
Счастье сердца, как ты зыбко,
Быстро тонешь ты в слезах.

В Таганроге Александр
Ход доносам не давал.
Может русского он Занда
В свой шатёр с кинжалом ждал?
Ведь давно его измучил
Сплошь залитый кровью трон.
Избавленья ждал ли случай,
Смерть ли страстно жаждал он?
Встреча с Шервудом открыла
Истины одной секрет:
Это он лихие силы
Сам извлёк из тьмы на свет.
Это он печаль умножил
Обещанием свобод.
Те слова сейчас ничтожны.
Так кого на эшафот?
Сам смутил пустой надеждой
Головы шальным юнцам.
Значит и на правду вежды
Всем открыть он должен сам.
Слишком просто всё казалось
Для неопытной души.
А когда в душе усталость,
Так ли ты непогрешим?
Вот и этим офицерам

В мирной жизни мира нет.
Их влекут иные сферы,
И надежды ложной свет.
Этот свет зажѐг невольно
Царь несбыточной мечтой.
Но тянуть нельзя. Довольно,
Рок уж стал для них судьбой.
И спасти их от паденья
Может только тот, кто дал,
Как надежду на спасенье,
В ножны вложенный кинжал.

Витт

В эти дни так получилось,
Что примчался граф де Витт.
Он давно попал в немилость
И пытался в тот визит
Пред монархом оправдаться,
На смутьянов донести.
Ну и этим попытаться
От суда себя спасти.
Граф Де Витт был сыном знойной
Куртизанки Софьи Витт.
Многих их, мужей достойных,
Победил прелестный вид
Сказочной фанариотки,
Феи будуарных дел,
Кто под чарами красоты
От любви обезумел.
Короли её желали,
Был безумен их порыв.
От красот её сгорая,
Всё на свете позабыв,
Знаменитый князь Потёмкин
Перед ней не устоял.
Он у мужа, как болонку,
Софью просто выменял.
Сын её. Де Витт Иоганн

Карьеристом вышел в мать,
А его любимый слоган-
«Честь на золото поменять».
Удивления в том мало-
Сын-достойный ученик,
Хвост ловил фортуны славно
Под истошной страсти крик.
Вроде бы в делах альковных
Александрю помогал.
В тайнах, говорил, любовных
Царь ему лишь доверял.
Правда то, или бравада,
Здесь сам чёрт не различит.
Он потом у Бонапарта
Тоже будет знаменит
Мастером амурной части.
И введёт в опочивальню
Корсиканца, приму страсти
Польку, Велевскую пани.
Говорят, агентом тайным
Был. Таким, как Чернышев.
Но попавшийся случайно,
Он сбежал. И был таков.
Вновь в России объявился.
Будто преданный слуга,
К Александрю вновь прибился.
Кот лукавый в сапогах.

•••

И потом он всё шпионил

Да агентов расставлял,
Но при том, служа короне,
О себе не забывал.
Истребив казаков Буга,
Поселения создал⁶

На обширных землях Юга.
Стал за это генерал.
Он ценил роскошных женщин,
Драгоценности, вино,
И с казной был не безгрешен.
Слыл растратчиком давно,
Но умел весьма успешно
Это всё опровергать,
В ход пуская метод вечный-
Женской ласки благодать.

⁶ В мае месяце 1817 года государь Александр Павлович остановился в Вознесенске, объезжал в сопровождении Витта военные поселения в Херсонской губернии, делал смотр новоиспечённой бугской уланской дивизии, взросшей на костях бугского казачества, и всем виденным остался чрезвычайно доволен. На радостях Его Величество произвёл Витта в генерал-лейтенанты. А уже в июле поднялось всё бугское казачество, И Витту срочно пришлось отрабатывать своё генерал-лейтенантство. Ну, он и отработал, даже с лихвою. Бугская уланская дивизия таки возникла. Бугское же казаческое войско исчезло, как будто его и не было никогда./Е. Курганов. «Забывтые генералы 1812 года. Книга вторая. Генерал-шпион, или Жизнь графа Витта». Элита. 2012/

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.